

Тем не менее, именно в современной психологии, ее разделах, посвященных происхождению и развитию перцепторной психики, таксономии психических процессов и возрастной психологии, можно найти предположения о времени и особенностях становления и развития языка и сознания человека.

В **биологии** была разработана широко известная и преподносимая еще в школе теория эволюции, которая довольно подробно сообщает о различных перипетиях человека в дороге от одноклеточной инфузории до млекопитающих, доводя человека до приматов и приводя свидетельства близкого родства человека с обезьянами, однако ничего не говорит о его дальнейшем развитии. Поэтому существующую теорию эволюции, фактически сводящуюся к описанию эмбриогенеза, можно считать **теорией эволюции обезьяны**, а отнюдь не человека.

Доводя человека до его рождения, биология здесь с ним прощается и дальнейшую его судьбу считает объектом изучения других наук, в частности антропологии, хотя по нашему мнению вполне правомерен подход к человеку как одному из представителей животного мира – отдельному виду узконосых высокоорганизованных прямоходящих бесхвостых обезьян (определение взято нами из антропологии). В некоторых медико-биологических работах можно найти отдельные замечания, касающиеся морфологического развития человека в антропогенезе, из чего можно заключить, что биологи осознают тот факт, что человек как вид не исчез совсем после своего формирования.

В **антропологии** существует тенденция рассматривать развитие человека до формирования вида современного человека (кроманьонца), появившегося 90-100 тысяч лет назад. При этом не вполне понятно, чему здесь соответствует период антропогенеза (формирования современного типа человека), начавшийся 6-8 млн лет назад. Следует ли и этот период отделения человека от высокоорганизованных обезьян считать частью предродового развития или его следует рассматривать в качестве начального этапа постнатального (послеродового) периода?

Развитие материальной культуры человека прослеживается в **антропологии** и **археологии** до эпохи культуры железа (1 т. л. до н. э. – 1 т. л. н. э.). Однако о развитии мыслительной деятельности человека в дописьменный период можно судить лишь по косвенным свидетельствам (увеличение объема коры головного мозга, появление участков мозга, связанных с речевой деятельностью, уровень материальной культуры и обрядовых действий и т. д.).

В области **истории** неразработанность этой проблемы может быть объяснена, на наш взгляд, гипнотизирующим воздействием лавины фактов, вызывающей необходимость в узкой специализации и препятствующей попыткам обобщения информации, тем более – в несколько несвойственном и необычном для общей истории направлении – истории умственного развития и становления современной психологии человека.

Науковедение, которое «...изучает закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими сферами материальной и духовной жизни общества» (Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия, 2001), включает в свои рамки только период после появления попыток классификации и систематизации знаний, в лучшем случае – от античной цивилизации.

В недавно появившейся **культурологии** не только не предлагается теории формирования культуры в рамках антропогенеза, но и не делается попыток как-то осмыслить факты, позаимствованные из смежных дисциплин (в основном из истории). Создается впечатление, что авторы работ этого направления и не подозревают о том, что здесь возможна и должна быть какая-то теория.

Таким образом, известная нам теория эволюции связана только с предысторией человека, ни в коей мере не объясняя скачка от сознания животных к мышлению человека, и как бы предполагая, что он рождается сразу сложившимся, вдруг обладая всей полнотой современных знаний, – во что поверить довольно сложно. На стыке вышеперечисленных дисциплин существует своеобразная ничейная зона, белое пятно, заполнение которого будет стимулировать их развитие. Настоящей **теории эволюции человека**, основанной на изучении истории развития человечества, мы еще не имеем и должны этим заняться.

Литература

1. Grinev-Griniewicz, Siergiej (2004). Evolution of terminology and culture: establishing foundations for anthropological linguistics // Language and Culture: Establishing foundations for anthropological linguistics. Bialystok, p. 28.
2. Маклаков А. Г. (2005). Общая психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер. – С. 61.
3. Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия, ст. «Антропогенез». 2001.
4. Encyclopaedia Britannica, 2003.

Скоробогатова Е. А.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СУБСТАНТИВАТОВ С ПОСТОЯННЫМ, УСТОЙЧИВЫМ И ПЕРЕМЕННЫМ ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Как известно, субстантиваты имеют комплексное значение: они совмещают предметное и признаковое значения, т. к. по природе своей являясь означающим, замещают означаемое. Признакомая семантика этих слов, как правило, сохраняется, а предметная может быть как постоянной, так и переменной величиной. Субстантиваты с постоянным предметным значением противопоставлены субстантиватам с переменным значением не только семантически, но и формально-грамматически. Наша задача – рассмотреть, какие типы субстантиватов входят в каждую группу и как реализуется константная и переменная составляющая их предметных значений в условиях художественного текста.

Среди субстантиватов традиционно выделяется группа слов, субстантивное значение которых закреплено в языке. Это, с одной стороны, полные субстантиваты, т. е. слова, не имеющие либо утратившие соотносительную исходную пару (*вселенная, запятая, насекомое, портной*), с другой, – слова, предметная отнесенность которых вне контекста воспринимается носителем языка как известная, но которые имеют соотносительную признаковую пару, а значит, в конкретном контексте при отсутствии означаемого могут иметь иную контекстуальную предметную отнесенность (*военный, учительская, будущее* и т. д.).

Слова с постоянным предметным значением, а также устойчивое значение слов, имеющих закрепленную и переменную предметную отнесенность, некоторые исследователи называют универбатами [1, с. 62].

На наш взгляд, первая группа слов – истинные универбаты или универбаты в узком понимании термина, вторая группа – многозначные слова, включающие универбат как одно из значений. Мы считаем, что субстантиваты такого типа имеют как устойчивое предметное значение (*военный* – ‘военный человек’, *прошедшее* – ‘все, что происходило в прошлом’, *больной* – ‘больной человек’), так и переменное (окказиональное, единичное) предметное значение, которое реализуется только контекстуально.

Истинных универбатов сравнительно немного, они в большинстве своем относятся к разряду стилистически нейтральных слов и в одиночном употреблении даже в условиях поэтического текста обычно не выделяются:

*Еще рывок! И только небосвод
во мраке иногда берет иглу портного.*
(И. Бродский. Большая элегия Джону Дону)
*Хочешь жить – не обижай пернатых,
Без пернатых небо – пустоцвет.*
(М. Анчаров. Баллада о двадцатом веке)

Особенностью ряда универбатов является то, что исходное признаковое значение у них «ушло» во внутреннюю форму (ср. *пернатые* – всегда птицы, т. е. существа, имеющие перья, в то время как *портной* – мастер, шьющий любую одежду, а не только брюки (порты)).

Их выделение происходит за счет повторов, соположений с адъективными и субстантивными словами или другими субстантиватами, за счет локализации в сильной позиции стиха или стихотворения, т. е. способами, типичными для актуализации в тексте любых морфологических единиц. Кроме того, при попытке вновь поставить их в позицию означающего, они приобретают многозначность: во-первых, актуализируя внутреннюю форму, во-вторых, актуализируя диахронически вторичное, а синхронически основное признаковое значение:

*Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,
на роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.*
(А. Тарковский. Утро в Вене).

Здесь слово *насекомые* актуализирует и значение ‘вечные’, т. е. ‘те, которые насекают’, и значение ‘такие, как у насекомых’.

Подобная семантическая двойственность возникает при обратной адъективации истинных универбатов. При соположении субстантивата с вторичной признаковой формой последняя может актуализировать одно значение:

*В отличие от животных, человек
уйти способен от того, что любит
(чтоб только отличаться от животных).
Но, как слюна собачья, выдают
его животную природу слезы:*
(И. Бродский. Post actam nostram)

А второе – связанное с происхождением субстантивата глубинное значение – реализуется не всегда:

*преграждая доступ царям, пастухам, животным,
оставлял нас зреться теплом животным
да армейской шинелью.*
(И. Бродский. «Помнишь свалку вещей на железном стуле...»)

Универбат может быть мотивирующим для вторичного адъектива, единственное значение которого – обозначать признак, связанный с значением субстантивата (внутренняя форма при этом стирается, ее актуализация порой семантически невозможна):

*Прости, Тригорское, где радость,
Меня встречала столько раз!
...
Приду под липовые своды
На скат тригорского холма.*
(А. С. Пушкин. Простите, вечные дубравы!)

Очевидно, что динамичность субстантивации как непрерывного процесса создает множество единиц, находящихся на шкале переходности между полными универбатами и окказиональным (единичным) употреблением исходного прилагательного в роли означаемого.

Условия поэтического текста позволяют использовать как узуальное, так и индивидуальное:

а) *И наконец удар кинжала
Пресек несчастливого позор...*
(М. Лермонтов. Беглец.)
б) *Старень! В теле все больше смертного.*
(И. Бродский. 1972 год)

В первом случае использовано устойчивое субстантивное значение (*несчастный* – ‘несчастный человек’), во втором – индивидуальное (устойчивое значение субстантивата *смертный* – ‘смертный человек’, а у Бродского реализовано абстрактное субстантивное значение – *смертное* – ‘все, обладающее способностью умирать’).

Частным случаем субстантиватов с устойчивым субстантивным значением являются слова, имеющие в признаковом употреблении ограниченную сочетаемость:

*Но это – подтверждение и знак,
что в нищете
влачащий дни не утрашит кражи...*

(И. Бродский. Разговор с небожителем)

«Влачить дни» («существование») может только человек, т. к. глагол «влачить» стилистически маркирован как ‘высокое’ и означает – ‘вести бедную, неинтересную жизнь’ [2, с. 74].

Обычно актуализируют устойчивое субстантивное значение слова, имеющие в роли означающих ограниченную сочетаемость:

*когда он ищет сигарету в пачке,
на безымянном тусклое кольцо
внезапно преломляет двести ватт...*

(И. Бродский. Зимним вечером в Ялте)

В подобных случаях отсутствие существительного ощущается гораздо острее (а), чем аналогичное отсутствие в свободном сочетании даже при актуализации устойчивого субстантивного значения (б).

Сравним:

а) *Я все равно паду на той,
на той единственной гражданской.*
(Б. Окуджава. Сентиментальный марш)

б) *Тренькающая да беспечальная,
Раненым пришла по вкусу полька.*
(А. Тарковский. Полька)

Если слово используется в составе фразеологизма в качестве означаемого, употребление фразеологизма в поэтическом тексте способно актуализировать такое же субстантивное значение другого субстантивата, соположенного с первым:

*Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных –
лишь согласное гуденье насекомых.*

(И. Бродский. Письма римскому другу)

Так как *сильные мира сего* всегда ‘люди’, то и слово *слабые* здесь передает субстантивное значение ‘люди’, хотя этот субстантиват такого устойчивого субстантивного значения не имеет. Переменное предметное значение субстантивата *слабые* реализовано в тексте благодаря аттракции предметных значений субстантиватов-антонимов (*сильные-слабые*), один из которых в составе фразеологизма имеет устойчивое предметное значение.

Возможно образование окказиональных субстантиватов от существующих субстантиватов, имеющих устойчивое субстантивное значение:

*Ночная тень, холодная, голодная,
Полубайстрючка, полублагородная.*

(А. Тарковский. Елена Молоховец)

Префиксальным способом образован окказиональный субстантиват *полублагородная* от субстантивата *благородная*, как и окказиональное существительное *полубайстрючка* от существительного *байстрючка*.

Текстовая «подкрепленность» переменных предметных значений субстантиватов в поэтическом произведении – явление регулярное, оно связано с задачами актуализации избранных автором значений, в отличие от разговорной речи, где окказиональные субстантиваты появляются в результате стремления к экономии.

Поэтический текст, реализуя переменное предметное значение субстантивата, как правило, обыгрывает его.

Сравним:

а) *Стали чаще и чаще являться ко мне
с видом пасмурным и обреченным
одна дама на белом, на белом коне,
а другая на черном, на черном.*

*И у той, что на белом, такие глаза,
будто белому свету не рады.*

...

*И той, что на черном, такие глаза,
будто это – вместилнице муки.*

(Б. Окуджава. Стали чаще и чаще являться ко мне...)

б) *Золото резче на черном,
Музыка звонче в ночи.*

(Б. Окуджава. Державин)

В первом примере (а) субстантиваты *на белом*, *на черном* окказиональны, возникли в результате эллипсиса. Их предметное значение переменное, оно восстанавливается из третьего стиха, где *белом* – прилагательное, грамматически согласованное с формой существительного *на коне*. Форма предложного падежа,

сохраняясь при субстантивном употреблении исходной адъективной формы, является «поддерживающим» средством, указывающим на единство значений и способствующим уподоблению.

Во втором случае (б) *на черном (черное)* имеет абстрактное субстантивное значение, которое реализовано благодаря текстовому соположению с существительным *золото*, выступающим здесь в вещественно-собирательном значении. Неопределенность синтаксического строения текста приводит к морфологической неопределенности субстантиват/прилагательное¹, например:

*День седьмой.
Выходной.
Дверь открыта выходная.
Дверь открыта в проходной.
До свиданья,
проходная!*

(Б. Окуджава. Жизнь охотника)

Рассмотрим грамматическую природу второго стиха. Синтаксически фразу *Выходной*. можно трактовать и как самостоятельное номинативное предложение, и как парцелированное определение, входящее в состав расчлененного номинативного предложения *День седьмой. Выходной* (какой?). Соответственно слово *выходной* в первом случае может характеризоваться как субстантиват, выступающий в устойчивом предметном значении (ср.: *Сегодня выходной*), во втором – как прилагательное. Текстовая организация стихотворения усиливает неопределенность, промежуточность грамматической характеристики слова *Выходной*. Оно сопоставлено с прилагательным *выходная* (*дверь*) и рифмуется с предложной формой субстантивата *в проходной*.

Эффект неожиданности возникает в том случае, когда за счет контекста резко меняется предполагаемое предметное значение субстантивата. Ярким примером такой авторской игры переменными значениями является известный Цветаевский текст:

*Полюбил богатый – бедную,
Полюбил ученый – глупую,
Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную:
Золотой – полушку медную.*

(М. Цветаева. Полюбил богатый – бедную...)

В первых четырех стихах друг другу противопоставлены субстантиваты с предметным значением *мужчина женичина*, в последнем – метафорически *золотой рубль/полушка*. То, что в узусе слово *золотой* имеет устойчивый мужской род поддерживает противопоставление. Подвижность предметного значения субстантивата создает метафору, являющуюся композиционным центром текста.

Итак, анализ показывает, что в поэтическом тексте активно реализуются субстантиваты как с константным (универбаты), так и с имеющим постоянную и переменную составляющую субстантивным значением. Способы реализации и актуализации этих значений в тексте различны.

Особую роль играет индивидуально-авторский отбор субстантиватов с разными значениями и их частотное употребление в тексте. Изучение функционирования субстантиватов в поэтических идиостилиях разных авторов иногда служит важной характеристикой этих идиостилей, и описание их является перспективой дальнейшего изучения данной проблемы.

Литература

1. Ермакова О. П. О некоторых явлениях нейтрализации в морфологии // Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М. В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 60-67.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16 изд. Испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.

Примечания

¹Подобное невозможно, вернее, воспринимается как нарушение нормы лишь в случае употребления истинного универбата.

Скрипняк Т. Л.

BESONDERHEITEN DER REALISIERUNG VON PROSODISCHEN PARAMETERN IN DER PREDIGT: ERGEBNISSE DER EXPERIMENTELL-PHONETISCHEN UNTERSUCHUNG

Особенности реализации просодических параметров в проповеди (Результаты экспериментально-фонетического исследования)

В статье формулируется гипотеза о том, что просодия высказывания оказывает влияние на восприятие и оценку устного текста проповеди адресатом, который придает сказанному свое собственное коннотативное значение. Анализ текста проповеди является актуальным, так как основными ее целями выступают убеждение прихожанина в истинности христианской веры и духовных ценностей и побуждение его к определенным действиям. С этой целью проведены аудиторский и акустический анализы, которые отмечают различия в просодическом оформлении контрольного и модифицированного фрагментов проповеди, а также психосемантический тест, при помощи которого можно проследить изменения в реакциях и восприятии испытуемых в процессе прослушивания устного текста. Во время аудитивного анализа сделаны выводы о том, что специфическая комбинация просодических средств может осуществлять перлокутивный эффект на слушателя. Акустический анализ подтверждает результаты слухового анализа, выявивший значительные расхождения в реализации просодических характеристик во фрагментах. Результаты перцептивного теста, проведенного по методу семантического дифференциала, свидетельствуют о различии в восприятии исходного и модифицированного фрагментов испытуемыми. Просодическое оформление текста влияет на восприятие реципиента, изменяя его эмоциональный фон, вызывает определенные ассоциации и оказывает речевое влияние на слушателя.